

Когда-то Булат Окуджава мечтал, чтобы в начальных классах вдруг оказались умные, достойные друзья поэта, ставшие совестью нашего бесовского общества.

Сегодня в редкой бывшей республике бывшего СССР министр культуры по профессии агроном. Как правило, это люди искусства. И притом, часто, самые замечательные! Первыми так поступили латыши, знамя на этот пост Раймонда Паулса — не только талантливого композитора, но человека авторитетного, славящегося по всему краю, особой названностью. Но не только для министра культуры. Казалось бы, чего же еще желать!

Но сопоставляю интервью Адольфа Шандро «Даа зыла» — одно дело («Культура», 21 сентября 1991 года) с его же недавним выступлением по ТВ, с последними статьями, опубликованными в латышских газетах, наконец, с приказом министра культуры Латави от 16 апреля с. г. за № К-117 и недоумевая: до чего же история повторилась! Согласно этому приказу, в связи с недоуверительной работой Шандро в области культуры и искусства Латвии, он должен превратить свое существование. Правда, под предлогом реорганизации. Вместо ровного существующего одного из лучших творцов Латвии, широко известного далеко за ее пределами, с двумя труппами и общими художественными и административным руководством предполагается создание двух новых коллективов — латышского и русского труппе, будто мы не знаем, в чему приводят подобные попытки. Разве не ясно, что любое насильственное действие, будь то соединением, напротив, расчленение любого творческого организма, неминуемо приводит в его гибель!

Любопытно, как ведут себя в этой экстраординарной ситуации коллегам А. Шандро из других театров в свободной, демократической, независимой Латвии. Мой знакомый латышский те-

Не бросайте камни в разрезанном направлении

атравный критик пишет: «Соразмерно впечатлениям, что другие театры только и ждут не дождутся, когда же уничтожат лучший театр Риги. Во всяком случае в его здании открыто выступают студенты, школьники, их родители и учителя, толпа на театральных действиях. Как все это зримое!»

Ведь когда в свое время закрывали спектакли: «А был я Иван Иванович?» Назыма Хикмета и Валентина Плугача, «Дни Турбиных» М. Булгакова и Леонида Варпаковского в Киеве, «Три сестры» А. Чехова у Антонио Эфроси, «Долой мистера А. Островского у Мирна Зарарова, это тоже происходило по инициативе, при содействии или в лучшем случае при молчаливом согласии известных мастеров сцены. Многие из тех же: подумайте, какие спектакли! А вы что, тупеете! Так что не долю чиновников оставалась совсем немалого: оформите агитку общественно-гоминия юридически, поможете театру «исправить допущенные ошибки»...

Интересно, как сложились бы творческая судьба Чингиза Айтматова, Василия Бинца, Мора Друзи, Фазиля Искандера, если бы из произведения не были бы изданы в Москве? В этой связи меня особенно занимает драматургия Друзи. Уже после того, как его пьеса «Святая святых» оказалась переработанной на анкетах звания и программа на весь мир, в Молдове все равно строящая не разрешалась произносить само имя автора: до того навевала его многолетняя поэзия Молдове всемогущий Брашневский министр Иван Бодуа. И этого было вполне достаточно, чтобы ЦАТСА исключила из гастролейного репертуара в Кишиневе свой лучший спектакль 70—80-е годов.

Мало того, брался под подозрение или объявлялся персона нон грата каждый, кто так или иначе сочувствовал опальному писателю. Не потому ли и Ион Унгуряну на долгие годы «эмбарго» в Москву, что не смог или не захотел скрыть свои симпатии к драматургу Друзи? Это именно он поставил в ЦАТСА «Святая святых», да так, что спектакль выдержал свыше 300 аншлагов!

Однако я не могу понять, что происходит с моим приятелем Ионом Спирidonовичем с тех пор, как он вернулся на родину и возглавляет там Министерство культуры и культуры. Вот когда здесь могла начаться райская жизнь в искусстве. Но вместо этого в разных изданиях читаю тревожные корреспонденции, авторы которых сообщают, много говорю, комментирую, странно высказываюсь министру. Конечно, в публикации, бывает, изредка есть досадная ошибка, неточность, но когда один и те же слова и мысли повторяются многократно и ин-

то их не опровергает, начинаешь недоумевать...

В течение нескольких лет после завершения курса учебы в Киевском театральном институте Мария И. Карпаченко-Нарого ученица Ивана Карпаченко-Нарого Лесь Таник безуспешно пытался сдать экзамен на получение диплома по специальности «Драматургия театров Украины». В 1964 году он поставил в Харькове, в театре имени Т. Г. Шевченко, пьесу Виктора Розова «В день свадьбы», ту самую, что была категорически запрещена в исполнении Министерством культуры УССР. Кстати, как и ряд других лучших произведений современных драматургов — такова уж была «абсолютно» позиция тогдашнего руководства республики. Чистый случай помог состояться той передаче. Она и решила вопрос с дипломом, а злобную и проблемную трудозадачу через неделю никому не ведомой до той поры в Москве молодой режиссер приступил и репетициям пьесы Семёна Лунгина и Ильи Нусинова «Гуси-

ный перелет в Центральном детском театре. А примерно через год он же выступил здесь самым известным свой спектакль «Сказки Пушкина».

С тех пор немало воды утонуло. Таник сменил ряд театров. Несколько лет назад возвратился на Украину, он занялся политической деятельностью. Сегодня депутат Верховного Совета Украины Лесь Степанович Таник возглавляет постоянную комиссию по культуре и Союз театральные деятелей. Но кто знает, как сложились бы судьба сиромого парня из Луцка, не будь в его жизни эти двадцать пять лет вынужденного пребывания в Украине. Давно известно: нет пророков в своем отечестве!

А мне жалко, что в ближайшем время я, вероятно, на узкую нить спектаклей Таника. Но зато мне приятно, что он употребит свою энергию и нынешние возможности на благо родного народа, памятует, что Лесь Курбис, Никола Куляб, Иван Миняченко, Мирослава Ирчан и другие выдающиеся деятели украинской культуры были уничтожены усилиями собственных заквасников, разумеется, при поддержке профессиональных карателей.

Впрочем, ситуация на Украине ни в чем не отклоняется от ситуации в любом другом месте. Разве не знаем мы теперь благодаря книге Тамары Цукундава «Всего одна жизнь», как был уничтожен Сандро Аметали, а вместе с ним и все те, кто не захотел предать своего Учителя!

А Майергольд! Задумывался ли кто-нибудь над тем, почему его арестовали только после смерти Ставкиславского? Разве не очевидно, что Константин Саргавач сам фактом своего существования обегал Всеволода Зильманова от возможного расправы! Мало того, именно Ставкиславский предложил Майергольду работу, когда тот оказался не у дел. Хотя, казалось бы, мог этого и не делать, учитывая, как вся себя давнишней ученики по отношению к учителю в разные годы.

Или, скажем, Мария Ивановна Бабенко, казалась бы, как никто другой имела все основания быть недооленной Майергольдом. Но именно она одна откланялась шмырнуть камнями в поверженного гения...

Всего трое из множества учеников и соратников Лесь Курбиса не дрогнули в роковой для него час. Среди них оказались великий Иван Марьянович, наименеевший еще в Труппе украинский корифей, и едва оперившиеся молодые соратники «Бразилия» Роман Черешин и Борис Балабан. Не коллегам Наркомпроса Украины они решительно отгнали несправедливые нападки на Курбиса: им долго не могли этого простить те, кого лучше не гнать...

Порядочный человек отличается от непорядочного как раз тем, что в любой ситуации идет себя достойно. Разве можно забыть ссуду одну реплику в защиту товарищей, произнесенную в 1949 году с места на собрании в Союзе писателей Молдавской? Они обещали ему дорогу в ту же минуту самого Леонида Антоновича пригласили к воспоминаниям.

А сколько людей в буфаловом смысле сплела от смерти легендарная грузинская художница Елена Дмитриевна Авдзидани, больше известная под именем Элики. Сколько дала приют, отогрела своим теплом!

Примеры подлинного дружества и участия, требующие явного мужества, можно множество. Как и примеры обиды, впадения в сознательное. Иные деятели под видом перестройки готовы снова снять все до основания, в Катм...

В этой связи вспоминается давняя удивительная догадка Л. Варпаковского, нежданно

решение образа Воюяка в «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского в Киевском театре имени И. Франко. Позже он повторил свое открытие в спектакле Млога театра. Впервые мы поняли тогда, что имеем дело не с морским волком, проделанным на сваях ветром, но с человеком, одержанным идеями власти. Ему все равно, кто победит — белая, черная, зеленая. Важно самому удержаться у руля!

Много позже догада Варпаковского разовек Мари Зарова. Думаю, если бы «Оптимистическая трагедия» оказалась сегодня возвращена в действующий репертуар «Ланкомы», она могла бы снова стать «театром сезонов» — до того и ней точно обмывиваются привычки нашей жизни с антиобщественными оборотами, что кажутся сейчас коммунистам и системе, будто не они сами ее создали, поставили, долги на протяжении многих десятилетий, будто не они их возмекли на самый верш...

...На позорном Ю. Юзюзовского Ростисла Плянт сказал: «Мы процветали сегодня с человеком, которого в этом зале пятнадцать лет назад забросили в ямы». Может быть, потому он и умер так рано. К сожалению, Юзеф Ильич уже никогда не узнает о нашем покаянии. Поэтому в обращении к нему, в те, что может и досюда меня услышать. Мы обязаны однажды покаяться прекратить бросать камни в разрешенном направлении...

А ведь мы до сих пор не хотим выслушать голос Плянта и продолжать бросать камни в разрешенном направлении. Только само направление теперь стало другим, а мы, в сознании, остались прежними.

Борис ПОУРОВСКИЙ.